

Акуномания

Новые известия - 2002 - 21 мая - с. 7

У знаменитого романиста сразу две премьеры — книжная и театральная

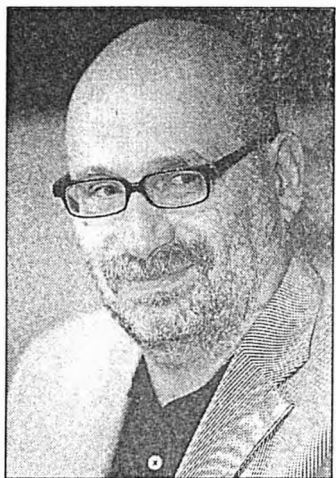
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Если бы в списке номинаций хоть одной театральной премии присутствовала формулировка «За смеливость», по итогам нынешнего сезона эту награду непременно получил бы Алексей Бородин со своим «Эрастом Фандориным». Который (Эраст) есть не что иное, как известный всем «Азazel».

Только человек безоглядной отваги мог решиться на постановку детектива, большинством зрителей читаного-перечитаного, да вдобавок в Молодежном, то есть, как ни крути, все-таки детском театре, где даже на «взрослых» премьерах как минимум треть зала составляют школьники — и отнюдь не старших классов. Надо сделать спектакль, интересный взрослому и понятный ребенку; тем, кто досконально помнит сюжет, предложить хоть что-нибудь, помимо сюжета, а главное — надо потратить капризному автору, Борису-Григорию Акунину-Чартишвили, который в случае недовольства (издателем, режиссером или журналистом) свои «фи» скрывать не привык...

Акунин имеет право на «звездные» взрывы, ибо он и в самом деле звезда. Полное собрание его сочинений выпускается в подарочной упаковке. На протяжении нескольких недель растяжки поперек центральных улиц возмещали, что 20 мая официально поступит в продажу новый акунинский роман — «Внеклассное чтение». Одна телеэкранизация «Азazеля» уже состоялась, теперь ожидается вторая. Чу-чело чеховской «Чайки», набитое детективными опилками, полнится в репертуаре «Школы современной пьесы». Дожил наконец господин Чартишвили и до настоящей большой сцены, прямо по соседству с настоящим Большим театром. Вышел на поклон, услышал восторженный рев зала, собрал гербарий, в общем, получил те моральные барыши, которые доступны романисту только в том случае, если он переквалифицируется в драматурга.

За театральной премьерой в режиме нон-стоп последовала литературная. «Внеклассное чтение» — это тоже приключения Фандорина, но не Эраста Петровича, сыщика, а его дальнего потомка Николаса, баро-

Отец Фандорина.

нета, выбравшего историческую родину в качестве ПМЖ. С баронетом мы знакомы по «Алтыну-толобасу», прямо скажем, не самой удачной вещице из всего, до сих пор написанного Акуниным. Продолжение лучше начала, но тоже не хай класс. Сюжет разделен на два параллельных рукава, протекающих соответственно по двум разным временам. Главы следуют в порядке строгой очередности: одна повествует о современной России, другая персонажи читателя в закатные годы царствования Екатерины Великой. Место действия зачастую совпадает: Акунин повторил эффект гайдаевского «Ивана Васильевича...», где по одним и тем же дорогам — то протоптанным, то асфальтированным — и царская конница с копытами наперевес несется, и «Скорая помощь» сиреной завывает...

Здесь и сейчас довольно-таки неприкаянный, но чистый душой баронет оказался сразу меж нескольких криминальных костров, вокруг него уже здорово пахнет жареным, подстава следует за подставой, чокнутые коммунисты прокладывают путь жестоким отморожкам, а Николас, вылезая из одной переделки только для того, чтобы сразу вляпаться в другую, пытается спасти себя, своих близких (в частности, жену-мусульманку, носящую знакомое имя Алтын) и тех, кто становится близкими в процессе драк и перестрелок.

Там и тогда семилетний вундеркинд Митя Карпов, отмеченный за

свои небывалые способности благорасположением самой императрицы, попадает в водоворот дворцовых интриг, чудом уносит ноги, тоже переживает целый ряд болезненных предательств (в том числе от собственных родителей), однако находит спасителя в лице Даниила Фандорина, бывшего камер-секретаря Екатерины, а ныне мыслителя и отшельника. Дмитрий Карпов, переименованный новым отцом в Самсона Фандорина, погибнет на полях войны двенадцатого года, но до этого, вероятно, успеет вступить в брак и народить детей. Наверное, от этого, в общем-то прилюдного члена семьи передается нашему любимцу Эрасту Петровичу легкость мысли — необыкновенная...

Что касается эволюции фамилии (фон Дорн, Фандорин, Фандорин), Акунин и здесь разложил все свои любимые игрушки, в число которых входит «Чайка»: бастарды, то бишь незаконнорожденные крестьянские отпрыски одного из фон Дорнов, благородной чистоты, разумеется, лишены и зовутся попросту Дорнами...

Ясно, что мифический род достиг своего апогея, подарив миру именно Эраста Фандорина. Его многоуважаемые предки и достойные потомки представляют для читателя интерес значительно меньший. К тому же как екатерининскую эпоху, так и новейшую историю Акунин знает приблизительно и неточно. С Екатериной еще куда ни шло: ее последнего фаворита во «Внеклассном чтении» зовут Платоном Зуровым — разницы в одну букву сразу отсылает грамотную публику к «Азazелю» (где граф Зуров — персонаж отнюдь не из последних) и снимает с автора ответственность за расхождение придуманного сюжета с историческими реалиями. Значительно печальнее, что и свое — наше — время Акунин учит только по книжкам. По чужим...

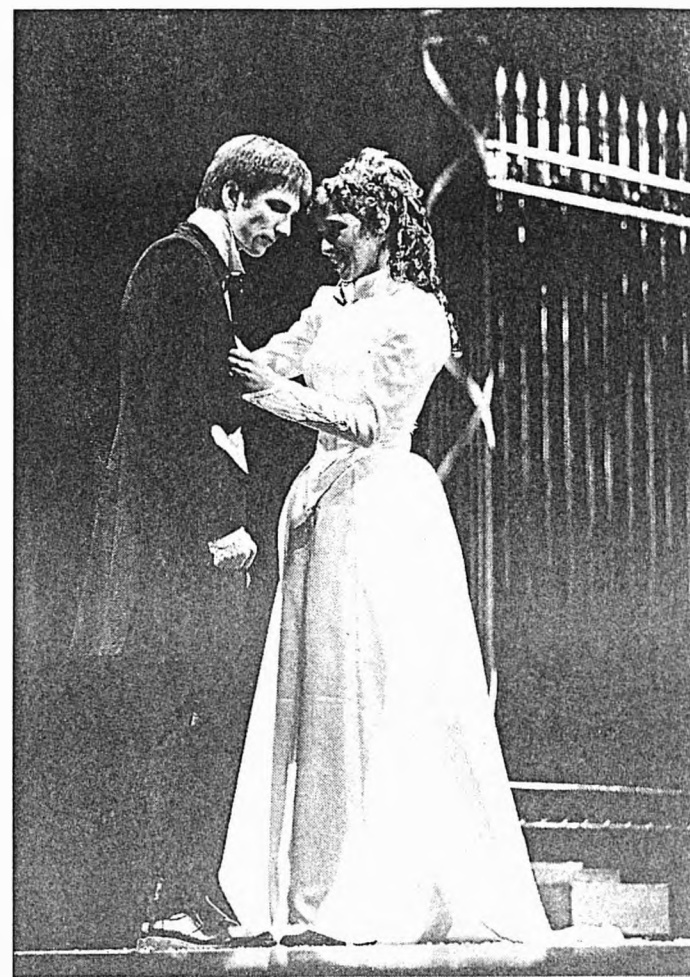
В его сознании время равняется языку времени. Речь героев пересыпана криминально-компьютерно-наркотическими неологизмами: словарь составлен педантично, а жизни и воздуха в тексте нет. В свободном владении новоязом Акунин, естественно, уступает литераторам нового поколения; столь плодотворно и прикалываться над текущей отечественной действительностью при жизни Сорокина и Пе-

левина как-то даже неприлично; а борьбу фармацевтических олигархов, погоню на «Брабусах» и частную жизнь обитателей Барвихи есть кому описывать, помимо Акунина. Этот рынок давно поделен, создателю Фандорина здесь вряд ли что обломится.

Главная мысль «Внеклассного чтения» практически бесспорна. Сводится она вкратце к следующему: нет времен плохих и хороших, нравственных и аморальных: просто из века в век рождаются на свет люди подлые, алчные, кровожадные, а также нормальные, душевные, порядочные. Соотношение всегда примерно одинаковое. Черные начинают, но белые выигрывают — только по этой причине земля еще вертится. Вот вам итог двухтомного романа, напечатанного в «Олма-пресс» на плохой бумаге, зато удобным для глаза разреженным шрифтом...

В «Азazеле», если помните, вечный моралист Акунин тоже заставлял своего героя, совсем молоденького мальчика, самостоятельно выбирать между добром и злом, да еще преподавал ему жестокий урок: Эраст Петрович не сдержал слово чести, и его возлюбленную, Лизхен, прямо в день свадьбы разнесло бомбой на куски. Алексей Бородин, конечно, не опускает воспитательный пафос романа, но и не имеет возможности уделить ему много внимания. Спектакль и так заканчивается в половине одиннадцатого.

С первой же сцены «Эраста Фандорина» понятно, что постановочных изысков не будет, а будет лишь подробное и последовательное изложение фабулы. Всего сцен — около тридцати, и каждую закрывает взрыв аплодисментов. Скушать практически не приходится — действие движется резко, без размазни, сильными, упругими толчками. Заметен, правда, некоторый перебор в песнях-плясках. Танцуют все: сам Фандорин, гибкий, ловкий, складный (Бородин явно решил сделать из Петра Красилова собственного Марселя Марсо), его невеста, граф Зуров... Даже слуга Зурова получил личный плясовой выход. У Красилова еще и голос не дурен, так что режиссер заставлял Эраста Петровича исполнить ночью, в лондонской гостинице городской романс «После, красота, кататься». Эраст в этот момент твердо убежден, что

Эраст и Лиза: часовой механизм уже тикает...

только что убил женщину — отличницу, спортсменку и просто красавицу Амалию Бежешкую, посему его вокальные экзерсисы кажутся, мягко говоря, не логичными... Я не говорю уже о режиссуре на сцене, чьи кувирки, кульбиты, а также выдаваемый за пение мышный писк художественной ценности не представляют и попусту затягивают зрелище.

«Азazel» на сцене получился не хуже «Азazеля» на экране, тем более что тот был снят чрезвычайно неряшливо: например, в кадр попал плотный автомобильный поток за решеткой Александровского сада... Художник Станислав Бенедиктов оформил «Эраста Фандорина» минималистски и символически: звенья парковой ограды, столы и стулья разного образца, конторки, ширмочки, двустворчатые двери, мутные стеклышки, оконные переплеты. Равнобедный треугольник спящих фонарей в клубах дыма дает прибытие поезда. Дешево и эффектно. На совести обоих — Бородин и Бенедиктов — глупые псевдонатуральные взрывы, от которых вонь по всему залу и головная боль на полночи. Пистонной пальбы в «Эра-

сте Фандорине» тоже с избытком — это, пожалуй, главный недостаток спектакля.

Играют все хорошо, выразительно, живописно. Фандорин здесь очень милый юноша. Может, и не таким мы представляли себе Эраста Петровича, но ведь в «Азazеле» он еще не мистер Совершенство, а просто породистый шен, которому только предстоит блеснуть острым нухом, умом и статями, а пока он лишь убегает за догоняет... Бриллинг (Евгений Редько) внешне интереснее Фандорина, но сыгран без загадки — сразу видно, что двурушник и лицемер. Зуров (Илья Исаев) — непосредственный и смешной. Студент Ахтырцев (Александр Доронин) — сгусток темперамента. Амалия (Пряня Низина) успешно поддерживает имидж местной Клеопатры. Лиза (Нелли Уварова) в меру нежна и трепетна, леди Эстер (Нина Дворжецкая) — проныжковенна и драматична... В общем, премьеру в РАМТе можно считать удачей. А когда живой классик Борис Акунин попадет в программу обязательного внеклассного чтения, столичные школьники скажут Алексею Бородину отдельное «спасибо».

Акунин борис

МИХАИЛ УТТЕРМАН